

Б. Н. Миронов
**СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИМПЕРСКОЙ, СОВЕТСКОЙ
И ПОСТСОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИЙ**

УДК 94(470):930.2

ББК 63.01+63.3(2)

В статье рассмотрены некоторые дискуссионные вопросы имперской, советской и постсоветской модернизаций: периодизация, роль государства, стиль управления, стратегия проведения, роль культурных традиций, сходство и различие, преемственность, историческая колея. По мнению автора, в имперский и советский периоды сильное государство и грамотный дирижизм служили двигателями модернизации и находили поддержку населения. Его квалифицированное большинство предпочитало авторитарный стиль власти в патерналистском варианте. Управление процессом модернизации со стороны государства не означало, что общество являлось только объектом дирижизма. Тихое и массовое сопротивление могло блокировать реформы, когда они не имели поддержки среди достаточно широких слоев населения, так же успешно, как и выступление активное, с оружием в руках. Автор выступает против демонизации авторитарного стиля управления и преувеличения достоинств демократического стиля. Подвергается критике представление о маятниковом, инверсионном характере российских модернизаций, о несостоятельности имперской и советской моделей. Аргументируется точка зрения, согласно которой советская модернизация являлась продолжением имперской по предпосылкам, целям, средствам, результатам и обстоятельствам, в которых они происходили; обе имели эндогенный характер. По мнению автора, теория модернизации применительно к России XVIII–XX вв. не потеряла актуальности. Спрос на новые подходы и концепции существует, и они предлагаются, но пока не составляют серьезной конкуренции для теории модернизации.

Ключевые слова: *модернизация имперская, советская и постсоветская, преемственность, периодизация модернизации, теория модернизации, стратегия реформирования, дирижизм*

Вопрос об особенностях имперской и советской модернизаций является дискуссионным и имеет обширную историографию. Остановлюсь лишь на некоторых распространенных оценках, которые вызывают у меня сомнения или представляются неверными.

Периодизация российской модернизации неопределенна и противоречива в значительной степени потому, что во многих работах термин «модернизация» употребляется в нескольких смыслах одновременно и без объяснения. Это девальвирует важный термин и вносит путаницу в анализ. Например, К. В. Самохин связывает начало российской модернизации с эпохой Петра I, когда под влиянием Северной войны якобы начался «переход империи от аграрного общества к индустриальному». Война, по его мнению, предопределила формирование элементов рыночной экономики, заложила основы для процессов социальной мобильности и урбанизации российского общества; повлияла на изменение ценностных установок

преимущественно дворянского сословия; создала условия для складывания правового государства и гражданского общества. Близкую позицию занимает Е. М. Скворцова. В данном случае авторы под модернизацией имеют в виду совершенствование общества в широком смысле путем реформ, внедрение инноваций, преодоление отсталости, но называют это переходом от аграрного общества к индустриальному и от традиционного общества к современному. Однако, как известно, промышленная революция — важнейший двигатель модернизации — началась не в России, а в Великобритании и только в последней трети XVIII в. Применительно к России XVIII в. в лучшем случае можно говорить о создании предпосылок для промышленной революции и перехода от аграрного общества к индустриальному.¹

На мой взгляд, в имперской модернизации можно выделить два этапа: 1) XVIII — первая

Миронов Борис Николаевич — д.и.н., профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(г. Санкт-Петербург)
E-mail: bmironov@mail.plus.net

¹ См.: Самохин К. В. Процессы модернизации в послепетровской России XVIII века // Современные исследования социальных проблем: электронный журнал. 2012. № 9 (17). URL: <http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Samoxin.pdf> (дата обращения: 20.06.2017); Скворцова Е. М. Проблемы модернизации России: опыт историко-экономического анализа // Гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 42–51.

половина XIX в., 2) вторая половина XIX в. — 1917 г. К 1830–1850-м гг. относится начало промышленного переворота в России, с которым во всех странах связывается переход от аграрного общества к индустриальному, т. е. начало модернизации. На первом этапе (назовем его подготовительным или протомодернизацией) во главе угла находилось развитие промышленности, городов, просвещения, бюрократического аппарата, внутренней и внешней торговли и инфраструктуры. Это развитие происходило в форме трансфера западноевропейских институтов, технических и культурных достижений. Успехи были скромными, но они создали предпосылки для начала собственно модернизации во второй половине XIX в. Реформы 1860–1870-х гг. дали мощный толчок для продолжения модернизации — с этого момента она стала по-настоящему многомерной и глубокой, несмотря на сопротивление традиционного общества и колебания в политике правительства. На втором этапе получили особенное развитие такие субпроцессы модернизации, как индустриализация в форме промышленной революции, профессионализация, секуляризация, индивидуализация, распространение средств массовой информации, рост социальной и профессиональной мобильности, демографический переход, семейная революция, нациестроительство, и что особенно важно, развитие частной собственности (приватизация), конституционализма и гражданского общества.

С точки зрения многих исследователей, *авторитарное сверхбюрократизированное государство блокировало модернизацию или препятствовало ее развитию.*² Как показало мое исследование, в имперский и советский периоды сильное государство и грамотный дирижизм служили двигателями модернизации.³ Это подтверждается тем, что в имперской и советской России квалифицированное большинство населения предпочитало авторитарный стиль в патерналистском варианте.

Даже в настоящее время, согласно всероссийскому социологическому опросу Левада-Центра, проведенному в феврале 2016 г., авторитарный стиль предпочитает большинство населения.

На вопрос «какая экономическая система кажется вам более правильной (правильной — та, которая основана на государственном планировании и распределении, или та, в основе которой лежат частная собственность и рыночные отношения?» 52 % респондентов высказались в пользу планирования и распределения.⁴ Согласно другому опросу Левада-Центра, проведенному в январе 2017 г., в течение последних 16 лет доля россиян, симпатизирующих Сталину, достигла исторического максимума: с «восхищением», «уважением» и «симпатией» к нему относится до 46 % респондентов (11 лет назад, в марте 2006 г., их было 37 %).⁵

История европейских стран в Новое и Новейшее время также дает аналогичные примеры успешных преобразований именно при сильных авторитарных режимах, осуществлявших компетентное управление. Например, во Франции, Германии и Австро-Венгрии удачные реформы были проведены королевской властью, а периоды демократии оказывались связанными с катастрофической инфляцией и началом деструктивных процессов в экономике (эпоха Великой французской революции; Германия после Первой мировой войны; Австрия, Венгрия и Польша после распада монархии Габсбургов). Похожим образом развивались события в Испании, Португалии, странах Латинской Америки и Юго-Восточной Азии.⁶

Таким образом, как ни парадоксально это звучит, но если следовать демократическому принципу, то в современной России власти должны использовать недемократический, авторитарный стиль управления. Хорошо известно, что бывает, когда народу навязывается политическая система и стиль управления, которые не соответствуют традиции и желанию большинства населения. Я не являюсь адептом авторитарного стиля управления, но надо смотреть фактам в лицо и с ними необходимо считаться.

Традиция сильного дирижизма ослабнет тогда, когда общая и политическая культура и потребности населения достигнут высокого уровня, а гражданское общество станет сильным.

² См.: Волкогонова О. Российская модернизация и опасности авторитаризма // Российская модернизация: размышляя о самобытности. М., 2008. С. 46–59; Кржевов В. Циклы российской модернизации: всевластие бюрократии как причина незавершенности реформ // Там же. С. 60–88.

³ См.: Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб., 2015. Т. 2. С. 733–745.

⁴ См.: Сорок шесть процентов россиян симпатизируют Сталину. URL: <http://www.vecherka.ee/788045/46-percentov-rossiyan-simpatiziruyut-stalinu> (дата обращения: 20.06.2017).

⁵ См.: Предпочтительные модели экономической и политической систем. URL: <http://www.levada.ru/2016/02/17/predpochtitelnye-modeli-ekonomicheskoy-i-politicheskoy-sistem/> (дата обращения: 20.06.2017).

⁶ См.: Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация: в 2 кн. М.; СПб., 2004. Кн. 1. С. 91.

Мера и степень вмешательства государства в жизнь людей обратно пропорциональны мощи гражданского общества. Но сила последнего не пропорциональна численности среднего и высшего классов, а в решающей степени зависит от их общественно-политической активности. В 1905–1917 гг. оба класса вместе составляли около 5–7% всего населения Российской империи, но они создали влиятельное гражданское общество, благодаря чему пореформенный период отмечен усилением роли общественных организаций. В 1905 г. общественность добилась конституции, парламента и участия в законодательной деятельности, а в феврале 1917 г. свергла монархию и установила демократическую республику. В современной России доля среднего класса в населении страны (по разным оценкам) в 3–4 раза выше, однако его влияние и активность, наоборот, слабее, чем 100 лет назад. Недостаток общественной активности по необходимости замещается деятельностью агентов государства, а власть общества — властью государственных структур. Но здесь возникает опасность, которую мало кому удастся избежать: любая общественная или государственная организация в отсутствие всестороннего контроля со стороны граждан неумолимо, в соответствии с «железным законом олигархии» Р. Михельса, превращается в неповоротливую, коррумпированную машину, обслуживающую интересы узкого круга лиц, забывающих о народе и его нуждах.⁷ Чрезмерная мощь государства в конечном итоге становится причиной упадка и разложения как его самого, так и общества, которым оно руководит. «Государство пожирает живое тело нации», а народ превращается в горячее для питания государственной машины. Примером тому служит сталинский авторитаризм.⁸

В последние годы приобрел популярность тезис о *мобилизационной модели развития*. Ее сторонники полагают, что со времени возникновения русского государства до конца советской эпохи развитие проходило якобы при сверхконцентрации имеющихся в распоряжении государства скромных ресурсов, при сверхэксплуатации населения и сверхнапряжении государственного аппарата и всех звеньев общества в целом. Мобилизационный

тип развития общества оказывает влияние на все сферы жизни, в том числе на экономическое развитие и формирование элиты.⁹ Ввиду малочисленности государственного аппарата и неразвитости инфраструктуры мобилизационная модель представляется мне неадекватной российской действительности в московский и имперский периоды, хотя, вероятно, она соответствовала характеру развития России в 1920–1950-е гг. Как мог Петр I заставить работать население в мобилизационном режиме при наличии 4,5 тыс. чиновников, при неразвитой инфраструктуре, без телефона и телеграфа, при уровне грамотности 2% в деревне и 8–9% в городе?!¹⁰

Вызывает серьезное сомнение и популярное представление о *маятниковом, инверсионном характере процесса российских модернизаций*. Сторонники данной точки зрения полагают, что в стране уже 300 лет кратковременные либеральные «оттепели» сменяются длительными консервативными «заморозками», что за проведением реформ всегда следуют так называемые контрреформы, фактически упраздняющие результаты реформ. Этот своего рода бег по кругу оценивается некоторыми как «рецидивирующая модернизация».¹¹

На самом деле контрреформы не отменяли проведенные реформы, а либо их корректировали, либо задерживали или откладывали их реализацию на определенный срок. На мой взгляд, можно говорить о циклическом, а не о рецидивирующем характере реформирования. Если бы Россия развивалась по алгоритму «вперед — назад», или «реформы — контрреформы», или, как говорил вождь мирового пролетариата, «шаг вперед, два шага назад»,¹² то она являла бы собой отсталую автократию, бегущую на месте. Между тем страна быстро развивалась во всех отношениях. Смена правительственного курса с либерального на консервативный не означала возрождения того, что упразднялось реформами. Проведенные в либеральные периоды структурные реформы являлись, как правило, необратимыми; правительство редко от них

⁷ См.: Михельс Р. Социология политических партий в условиях демократии // Вся политика: хрестоматия. М., 2006. С. 158–167.

⁸ См.: Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2005. С. 118.

⁹ См.: Братченко Т. М., Сенявский А. С. Имперская и советская модели экономического развития: сравнительный анализ // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2009. Т. 11, № 6. С. 31–37.

¹⁰ См.: Миронов Б. Н. Российская империя. Т. 2. С. 423–490.

¹¹ См.: Наумова Н. Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М., 1999.

¹² См.: Ильин В. В., Панарин А. С., Ахизер А. С. Реформы и контрреформы в России: циклы модернизационного процесса. М., 1996; Пантин В. И. Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М., 2004.

отказывалось. То, что прогресс шел зигзагами и с задержками, а иногда и с отступлениями, — это нормально для любой европейской страны, где за революциями всегда следовала контрреволюция. В России дело осложнялось тем, что государство шло впереди общества, проводя реформы, обгонявшие его возможности их ассимилировать, преодолевая сопротивление сильных элементов архаики, имевшихся в обществе и государстве. Это приводило к тому, что останавливаться или отступить надо было чаще, чтобы дождаться, пока общество созреет до проведенных реформ. Но процесс реформирования всегда возобновлялся с новой силой с той точки, на которой он остановился. Как назвать такой прогресс — линейным, параболическим, ритмическим, дуалистическим, инверсионным, циклическим? Я предпочитаю говорить о нормальном и органическом прогрессе. Нормальном, потому что именно нормальное развитие состоит из чередований фаз подъема и упадка, расцвета и кризиса. Органическом, потому что государство, хотя и забегало вперед общества, действовало в соответствии с его интересами и наметившимися тенденциями, которые оно замечало быстрее и раньше, чем общество.

В западных демократиях чередование либерального и консервативного правительственных курсов с корректировкой реформ предшественников, находившихся у власти, также являлось нормой. Например, в Великобритании XVIII–XIX вв. к власти попеременно приходили то тори, то виги, и в течение двух столетий наблюдалось их постоянное противостояние. Аналогичная борьба между демократической и республиканской партиями велась и в США во второй половине XIX–XX в.¹³ Однако никому даже в голову не приходит говорить о реформах и контрреформах или о рецидивирующей модернизации применительно к этим странам. Замечу также: в западноевропейских странах переход к модерну особенно интенсивно происходил в 1770–1870 гг., причем до 1848 г. наблюдалась острая борьба между старым и новым; процесс модернизации лишь с 1870 г. стал необратимым и только в течение первой половины XX в. завершился, и то лишь в основных чертах, в большинстве стран современного Европейского союза.¹⁴

Многими исследователями подчеркивается *насильственный и элитарный характер имперской модернизации*, в которой народ являлся статистом и подчинялся реформам только по необходимости и слабости.¹⁵ Управление процессом модернизации со стороны государства не означает, что общество являлось лишь объектом дирижизма. Тихое и массовое сопротивление в состоянии блокировать реформы, когда они не имеют поддержки среди достаточно широких слоев населения, так же успешно, как и выступление активное, с оружием в руках. Об этом говорит, например, неудача петровских реформ по изменению народного быта на западноевропейский манер вследствие полного отсутствия отклика у народа. Чтобы непопулярные реформы могли войти в практику, они должны опираться, если не на большинство, то, по крайней мере, на значительную часть населения. Пример тому — Столыпинская реформа: государство сумело ее провести благодаря поддержке со стороны трети крестьян.

Либеральный имперский проект модернизации достаточно успешно реализовывался в пореформенный период усилиями государства и элиты, несмотря на сопротивление большей части крестьян и рабочих, но лишь до тех пор, пока государство сохраняло контроль над его реализацией. Когда же во время революции 1917 г. государство потеряло и наступила диктатура масс, или, как сказал Х. Ортега-и-Гассет, «торжество гипердемократии, при которой масса действует непосредственно, вне всякого закона и с помощью грубого давления навязывает свои желания и вкусы»,¹⁶ сначала монархия, а затем и Временное правительство, провалившее демократические реформы, были сметены вместе с их либеральными проектами. Последние были заменены консервативным социалистическим проектом потому, что он гармонировал как с глубинными коллективными представлениями народа и значительной части интеллигенции, так и с тогдашними настроениями и желаниями широких масс. Это позволило продолжить модернизацию по советскому варианту. В свою очередь советский проект — после того, как исчерпал себя! — был заменен

¹³ См.: Согрин В. В., Зверева Г. И., Репина Л. П. Современная историография Великобритании. М., 1991. С. 182–207; Шлезингер А. М. Циклы американской истории. М., 1992. С. 41–77.

¹⁴ См.: Gillis J. R. The Development of European Society: 1770–1870. Washington, 1983. P. XI–XVI.

¹⁵ См.: Сенявский А. С. Модернизационные концепции и их потенциал в изучении российской истории // История России: теоретические проблемы. М., 2013. Вып. 2. С. 7–63.

¹⁶ Ортега-и-Гассет Х. Указ. соч. С. 47.

новым либеральным проектом именно благодаря народной поддержке.

Таким образом, в периоды революционных подъемов контрэлита поддерживала, стимулировала и эксплуатировала революционный энтузиазм народа, но и народ использовал контрэлиту для реализации своих целей. Когда же «народ безмолвствовал», он также не был статистом, потому что использовал оружие слабых — повседневное сопротивление в виде мелкого саботажа, кражи, порчи имущества, распространения сплетен и анекдотов про власть и т. п. Подобный тип сопротивления политике власть имущих всегда присутствует в авторитарных системах, когда массовый публичный протест затруднен или невозможен вследствие отсутствия у недовольных ресурсов, необходимых для открытой борьбы. Рутинное сопротивление является эффективной формой борьбы, поскольку удерживает власти от злоупотреблений и при благоприятных обстоятельствах становится основой для коллективной мобилизации.¹⁷ Прекрасно сознавая силу сопротивления молчаливых масс, институционалисты оценивают лобовое шоковое реформирование как малоперспективное, потому что укорененные в обществе институты, носителем которых является молчаливое большинство, парализуют реформы. Для уменьшения институциональных дисфункций они предложили стратегию последовательных промежуточных институтов, в несколько этапов соединяющих начальную и задуманную их конструкцию.

Категорически не согласен с утверждением, что имперская модель модернизации оказалась несостоятельной, поскольку закончилась полным крахом и революцией. «Наша историческая беда заключается в том, что российская модернизация способствует не столько вхождению России в модерн, сколько укреплению феодально-имперских оснований культурно-цивилизационной системы», — пытается доказать С. Н. Гавров.¹⁸ Революционное завершение какого-либо проекта не является доказательством его несостоятельности. Все институты и структуры подвержены моральному износу, но не могут добровольно и стихийно изменяться,

так как в них существуют имманентно присущие им институциональные отношения, препятствующие гибкому приспособлению социума к изменившимся условиям (так называемые *встроенные ограничители*). Влияние ограничителей по общему правилу преодолевается в ходе реформ «сверху». Общество, вступившее в эпоху преобразования институциональной системы, становится социально нестабильным и попадает в «зону риска»: мирный эволюционный путь развития всегда осуществляется долго, болезненно и противоречиво. С его окончанием общество выходит из «зоны риска». Если же этого не происходит, то тогда совершается революция, которая насильственным путем разрушает встроенные ограничители, мешающие адаптации, и тем самым открывает дорогу утверждению новой институциональной системы.¹⁹ Таким образом, кризис социума может быть болезнью роста и свидетельствовать о его развитии. Х. Ортега-и-Гассет так выразил эту мысль: «Упадок старого, вызванный ростом нового и молодого, — это признак здоровья».²⁰ Именно такое понимание кризиса соответствует состоянию российского общества в конце XIX — начале XX в. и советского общества — в 1980-е гг. Революция — лишь радикальный вариант осуществления назревших изменений, ставший реальностью в силу особых обстоятельств: военных поражений, трудностей военного времени, непримиримой и ожесточенной борьбы за власть между оппозиционной общественностью и монархией. Важно иметь в виду, что опыт, материальные и институциональные результаты имперской модернизации не погибли в годы революции, а послужили основой для продолжения модернизации в советском варианте.

Вызывает сомнение *противопоставление имперской и советской модернизаций*. Эту идею четко проводит, например, известный исследователь модернизационных процессов А. С. Сенявский: «Специфика модернизаций позволяет говорить о двух качественно разных моделях — имперской (либерально-консервативной) и советской (идеологической, партюкратической, этатистской, патерналистской, мобилизационной). Дореволюционная модель была вестернизаторской и элитарной (оторванной от социокультурной почвы), реак-

¹⁷ См.: Scott J. C. *Weapons of the Week: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven, 1984.

¹⁸ См.: Гавров С. Н. *Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России*. М., 2004; Он же. *Модернизация России: постимперский транзит*. М., 2010.

¹⁹ См.: Стародубровская И. В., Мау В. А. *Великие революции: От Кромвеля до Путина*. 2-е изд. М., 2004. С. 27–50, 65–68, 417–456.

²⁰ Ортега-и-Гассет Х. *Указ. соч.* С. 123.

тивной (реагировала с большим опозданием, под давлением внешних угроз) на перезревшие проблемы; советская опиралась на большинство населения, использовала долговременную стратегию, вплоть до 1970-х гг. была опережающей, владела исторической инициативой в мировом масштабе».²¹

Имперская модернизация также была идеологической (хотя и не марксистской), так как все ее акторы откровенно поддерживали определенную идеологию, патерналистской (думаю, не требует комментариев) и этатистской (построенной на дирижизме). Она также была по-своему партократичной, поскольку партократия означает «политический строй, при котором верховная политическая государственная власть (законодательная, исполнительная и судебная) фактически сосредоточена в руках единственной партии, встроеной в государственную систему, а вернее — в руках партийной бюрократии».²² Коронная бюрократия (так назывался государственный аппарат управления, подчиненный монарху и присягнувший ему на верность) до 1905 г. в значительной степени и до 1917 г. в некоторой степени по стилю управления приближалась к партократической.

Советская модель модернизации по сути была «вестернизаторской», потому что лозунг «Догнать и перегнать Запад» оставался актуальным до конца советской власти. Эту модель можно считать элитарной на определенных этапах советской истории, а их встречалось немало, когда власть была «оторванной от социокультурной почвы», т. е. поставленные ею задачи и цели не разделялись большинством или значительной частью населения. Имперская модернизация, на мой взгляд, не была мобилизационной (хотя немало исследователей считают ее таковой). Однако в 1970–1980-е гг., по словам А. С. Сенявского, «советская модель успела переродиться из мобилизационной и социально-консолидирующей в консервативную, тормозящую развитие, провоцирующую социальную напряженность».²³ Наконец, А. С. Сенявский признает, что обе модернизации были похожи по целям, средствам и условиям проведения: «Обе модернизации решали (на разных стадиях) сходные задачи индустриального и урбанизационного

переходов общества, осуществлялись в неблагоприятном историческом контексте, причем степень внешнего давления в советский период была намного выше. Нестабильна была и внутренняя ситуация: ограниченность экономических, финансовых, кадровых ресурсов, фундаментальная маргинализация общества в контексте перехода из сельского состояния в городское, наличие большого конфликтного потенциала (социальной, этнической и др. природы)».²⁴

Советская модернизация являлась продолжением имперской по целям, средствам, результатам, обстоятельствам, в которых они происходили. Но она, вероятно, обеспечила менее высокие темпы развития и обошлась обществу более дорогой ценой, чем позднеимперская модернизация. То, что советская модернизация сменила имперскую после военной революции 1917 г., а постсоветская сменила советскую после мирной революции 1991–1993 гг., не означает, что обе модернизации не состоялись и потерпели крах. Имперская и советская модернизации являются, в целом, достаточно успешными проектами, хотя они и не решили всех возлагавшихся на них задач и надежд. В России, как и везде, высокие темпы и успехи модернизации создавали новые противоречия, порождали неведомые проблемы, вызывали временные и локальные кризисы, которые при неблагоприятных обстоятельствах перерастали в революции, а при благоразумии правящего класса могли бы благополучно разрешиться. Революции XX в. можно считать побочным продуктом успешных модернизаций.

Постсоветская модернизация также не разрешила старые проблемы и одновременно создала много новых. Но она далека от завершения, и выносить ей вердикт преждевременно. Тем не менее, уже можно сказать, что в политическом, общекультурном и социальном отношении сближение России и Запада за последние 20 лет было беспрецедентным. И это закономерно: конвергенция — главная тенденция развития Европы XVIII–XX вв. — в последние десятилетия трансформировалась в глобализацию.

Модернизация первой волны в самых развитых странах проходила спонтанно, как процесс самоорганизации и саморазвития, к которому способны большие сложные социумы,

²¹ Сенявский А. С. Указ. соч. С. 7–63.

²² Словарь терминов и понятий по обществознанию. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 272.

²³ Сенявский А. С. Указ. соч. С. 7–63.

²⁴ Там же.

под влиянием изменившихся условий жизни и геополитических факторов. Им приходилось изобретать, искать методом проб и ошибок новые институты и структуры, новые пути. В странах второй волны модернизации появилась возможность воспользоваться достижениями лидеров. Однако и они нуждались в креативности лидеров. Модернизация каждой большой страны проходила по особому сценарию, поскольку буквально заимствовать структуры и институты продвинутых стран было малоэффективно или даже разрушительно. Дело в том, что в каждом социуме есть определенная предзаданность, обусловленная его конструкцией (институтами), в соответствии с которой акторы социума осуществляют отбор образцов из множества институтов (культур), существующих в окружающем мире, методом проб и ошибок, который является универсальным для всех. Этот метод получил свое название именно потому, что его применение сопряжено с ошибками, неудачами и провалами. В ходе российских модернизаций, которые также использовали этот метод, ошибок тоже было достаточно. Они случались, как правило, тогда, когда реформы обгоняли потребности и возможности российского общества. Самый характерный и трагический пример преобразований, не совпадавших с желанием большинства населения, дало — из лучших побуждений! — Временное правительство. 240 дней поспешного шокового реформирования царских учреждений и многочисленных кадровых перестановок парализовали деятельность большинства государственных учреждений, привели к всеобщему экономическому, политическому и институциональному кризису и породили новый взрыв революционных страстей. России потребовалось 10 лет, чтобы восстановить экономику.

Теория модернизации применительно к России XVIII–XX вв. не устарела, как думают некоторые коллеги,²⁵ потому что Россия не достигла еще в полной мере уровня модерности и ее развитие сравнительно с другими европейскими странами не слишком оригинально. Пока никто не доказал, что развитие общества может обеспечить движение в каком-либо ином направлении, чем от аграрного традиционного общества к промышленно-городскому современному, минуя модернизацию. Не опровергнуто также наличие такого тренда,

как увеличение числа степеней свободы у индивидуума. Теория модернизации пока достаточно удовлетворительно справляется с объяснением развития страны в последние три столетия.²⁶ Это, конечно, не означает, что она навсегда останется вершиной научной мысли. Спрос на новые подходы и концепции существует, и они предлагаются, но пока не составляют серьезной конкуренции для теории модернизации.

О моральном износе теории модернизации можно говорить применительно к современным постиндустриальным (информационным) обществам или к современным слаборазвитым странам, потому что первые уже решили задачи модернизации и перешли на новый уровень развития, а вторые не являются ранними версиями современных обществ, но как бы консервировались в своем развитии, сохраняя свои национальные особенности и структуры. Их развитие более адекватно характеризует теория зависимости, или теория зависимого развития. В условиях глобализации и неокolonизма слаборазвитые государства занимают зависимые позиции в системе мировой экономики. Их экономическая отсталость и политическая нестабильность являются следствием их интеграции в мировую экономику и систематического давления развитых держав. Последние увековечивают их отсталость, блокируя попытки освободиться от зависимости и встать на путь истинной модернизации, используя различные способы: монополизацию рынков, экономическое воздействие (посредством финансов, патентов на технологии и т. п.) и санкции, прямое политическое вмешательство (в СМИ, образование, культуру и т. д.), а также военное. В результате развивающиеся страны «периферии» беднеют, их ресурсы, капитал и образованные кадры утекают в богатые страны «центра», в силу чего они имеют мало шансов по-настоящему модернизироваться. Не многим государствам удалось избежать этой участи. Это Гонконг, Сингапур, Тайвань и Южная Корея. Мотив стратегии блокирования очевиден: малоразвитые страны обеспечивают развитые страны природными ресурсами, дешевой рабочей силой и рынками сбыта, без чего те не имели бы возможности поддерживать высокий уровень жизни своего населения.²⁷

²⁶ См.: Сенявский А. С. Указ. соч. С. 7–63.

²⁷ См.: Семёнов Ю. Философия истории: (общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М., 2003. § 2.9: Концепции зависимости, или зависимого развития.

²⁵ См.: Булдаков В. П. Модернизация в России: гири на ногах прогресса // Вестн. Твер. гос. ун-та. Серия «История». 2016. № 4. С. 76–96.

Boris N. Mironov

Doctor of Historical Sciences, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: bmironov@mail.wplus.net

ARGUMENTATIVE ISSUES OF IMPERIAL, SOVIET AND POST-SOVIET MODERNIZATIONS

The article deals with some controversial issues of the Imperial, Soviet and post-Soviet modernizations: periodization, the role of government, management style, reform strategy, the role of cultural traditions, similarities and differences, the continuity, the path dependence. According to the author, a strong state and competent dirigisme has served as the engine of modernization and were supported by the people. The majority of the population preferred the authoritarian style of government in a paternalistic version. Managing the process of modernization of the state did not mean that the society was the only object of dirigisme. Peaceful mass resistance, as the protest with the weapon in his hands, could block reform if they did not have enough support among wide layers of the population. The author argues against the demonization of the authoritarian management style and exaggeration of advantages of democratic style. The author criticizes the idea on the pendulum, the inverted nature of the Russian modernization and on the failure of Imperial and Soviet models of reform. The author argues that the view according to which Soviet modernization was a continuation of Imperial modernization by goals, resources, outcomes, prerequisites; both have an endogenous character. Modernization theory has not lost relevance in relation to Russia of the 18th–20th centuries. The demand for new approaches exists; new conceptions are offered, but they not yet constitute a serious competition for the theory of modernization.

Key words: *the Imperial modernization, Soviet and post-Soviet modernizations, continuity, periodization of modernization, the relevance of modernization theory, the strategy of reform, dirigisme*

REFERENCES

- Bratchenko T. M., Senyavskiy A. S. [Imperial and Soviet models of economic development: A comparative analysis]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2009, vol. 11, no. 6, pp. 31–37. (in Russ.).
- Buldakov V. P. [Modernization in Russia: The weights on the feet of progress]. *Vestnik TverGU. Seriya «Istoriya»* [Bulletin of Tver State University. Series “History”], 2016, no. 4, pp. 76–96. (in Russ.).
- [Forty-six percent of Russians sympathize with Stalin]. Available at: <http://www.vecherka.ee/788045/46-procentov-rossiyan-simpatiziruyut-stalinu> (accessed: 20.06.2017). (in Russ.).
- Gavrov S. N. *Modernizatsiya Rossii: postimperskiy tranzit* [Modernization of Russia: post-imperial transit]. Moscow: MGUDT Publ., 2010, 268 p. (in Russ.).
- Gavrov S. N. *Modernizatsiya vo imya imperii. Sotsiokulturnye aspekty modernizatsionnykh protsessov v Rossii* [Modernization in the name of the empire. Sociocultural aspects of modernization processes in Russia]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004, 349 p. (in Russ.).
- Gillis J. R. *The Development of European Society, 1770–1870*. Washington: University Press of America, 1983, 300 p. (in English).
- Ilin V. V., Panarin A. S., Akhiezer A. S. *Reformy i kontrreformy v Rossii: tsikly modernizatsionnogo protsesa* [Reforms and counter reforms in Russia: cycles of the modernization process]. Moscow: MGU Publ., 1996, 398 p. (in Russ.).
- Krzhevov V. [The cycles of Russian modernization: the absolute power of bureaucracy as the reason for the incompleteness of reforms]. *Rossiyskaya modernizatsiya: razmyshlyaya o samobytnosti* [Russian modernization: reflecting on identity]. Moscow: Tri kvadrata Publ., 2008, pp. 60–88. (in Russ.).
- Mikhels R. [Sociology of political parties in conditions of democracy]. *Vsya politika: khrestomatiya* [All politics: reader]. Moscow: Evropa Publ., 2006, pp. 158–167. (in Russ.).
- Mironov B. N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modern* [Russian Empire: from tradition to modernity]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2015, vol. 2, 912 p. (in Russ.).
- Naumova N. F. *Retsidiviruyushchaya modernizatsiya v Rossii: beda, vina ili resurs chelovechestva?* [Recurrent modernization in Russia: misfortune, guilt or resource of humanity?]. Moscow: Editorial URSS Publ., 1999, 174 p. (in Russ.).
- Pantin V. I. *Volny i tsikly sotsialnogo razvitiya: Tsvivilizatsionnaya dinamika i protsessy modernizatsii* [Waves and cycles of social development: civilizational dynamics and modernization processes]. Moscow: Nauka Publ., 2004, 245 p. (in Russ.).

[Preferred models of economic and political systems]. Available at: <http://www.levada.ru/2016/02/17/predpochtitelnye-modeli-ekonomicheskoy-i-politicheskoy-sistem/> (accessed: 20.06.2017). (in Russ.).

Samokhin K. V. [Processes of modernization in the post-Petrine Russia of the 18th century]. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem* [Modern research of social problems], 2012, no. 9 (17). Available at: URL: <http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Samoxin.pdf> (accessed: 20.06.2017). (in Russ.).

Scott J. C. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven: Yale University Press, 1985, 389 p. (in English).

Semenov Yu. I. *Filosofiya istorii: (obshchaya teoriya, osnovnye problemy, idei i kontseptsii ot drevnosti do nashikh dney)* [Philosophy of history: (general theory, basic problems, ideas and concepts from antiquity to the present day)]. Moscow: Sovremennye tetrad Publ., 2003, 775 p. (in Russ.).

Senyavskiy A. S. [Modernization concepts and their potential in studying Russian history]. *Istoriya Rossii: teoreticheskie problem* [History of Russia: theoretical problems]. Moscow: IRI RAN Publ., 2013, iss. 2, pp. 7–63. (in Russ.).

Shlezinger A. M. *Tsikly amerikanskoy istorii* [The cycles of American history]. Moscow: Progress-Akademiya Publ., 1992, 687 p. (in Russ.).

Skvortsova E. M. [Problems of modernization in Russia: experience of historical and economic analysis]. *Gumanitarnye nauki* [Humanitarian sciences], 2014, no. 4, pp. 42–51. (in Russ.).

Sogrin V. V., Zvereva G. I., Repina L. P. *Sovremennaya istoriografiya Velikobritanii* [Modern historiography of Great Britain]. Moscow: Nauka Publ., 1991, 225 p. (in Russ.).

Starodubrovskaya I. V., Mau V. A. *Velikie revolyutsii: Ot Kromvelya do Putina* [Great revolutions: from Cromwell to Putin]. Moscow: Vagrius Publ., 2004, 510 p. (in Russ.).

Travin D., Margariya O. *Evropeyskaya modernizatsiya* [European modernization]. Moscow; Saint Petersburg: AST Terra Fantastica Publ., 2004, book 1, 665 p. (in Russ.).

Volkogonova O. [Russian modernization and the dangers of authoritarianism]. *Rossiyskaya modernizatsiya: razmyshlyaya o samobytnosti* [Russian modernization: reflecting on identity]. Moscow: Tri kvadrata Publ., 2008, pp. 46–59. (in Russ.).